

Зал был неподвижен, и слова Ван Чуна эхом разносились по комнате и уму всех присутствующих. Подавленное и тяжелое настроение было мгновенно восстановлено и подогрето спланивающим криком Ван Чуна.

Армия Божественной Тюрьмы, Армия Сюанью, Армия Драконьих Жеребцов... Была также вторая партия подкреплений от Цыси. Никто, кроме Ван Чуна, не знал точного состава армии подкрепления: даже Гао Сяньчжи не понимал всех сил, которые Ван Чун вызвал изнутри.

По крайней мере, Гао Сяньчжи никогда не слышал о какой-либо армии Сюанью или Божественной Тюрьмы в Императорской Армии, и при этом он не знал, насколько они сильны.

Но Ван Чун, как управляющий всей армии, естественно, понимал, что происходит, больше, чем кто-либо другой.

«Качество больше, чем количество, когда дело доходит до солдат» - это было не просто высказывание, но принцип, в который верил Ван Чун всю свою жизнь.

Как человек, который перевоплотился и пережил так много, он привык побеждать в битвах, находясь в меньшинстве. Количество солдат было очень важно, но общее качество солдат было важнее всего.

Великий Тан смог рассчитывать на армию в шестьсот тысяч солдат, чтобы завоевать окружающие империи и создать легендарный золотой век и империю беспрецедентных размеров именно благодаря качеству своих солдат!

- Ван Чун, какая у тебя идея? - вдруг спросил Гао Сяньчжи.

Для Гао Сяньчжи это сражение уже полностью превзошло его ожидания с того момента, когда он впервые решил напасть на Королевство Ши. Но Ван Чун был другим. Он был еще очень молод, но у него было глубокое понимание войны и он тщательно спланировал всю эту битву, включая подкрепление.

То, что подкрепления смогли достигнуть шестидесяти тысяч человек, и все они были элитными солдатами, несомненно, было связано с тем, что Ван Чун подготовился к этому еще до начала битвы.

- Хех. - Ван Чун усмехнулся в ответ.

- Арабы не так сильны, как представляется. Хотя я не могу гарантировать окончательный результат этой битвы, я могу, по крайней мере, гарантировать, что независимо от того, чего хотят арабы, они не покинут Талас, не получив беспрецедентно серьезную рану! - глаза Ван Чуна вспыхнули твердым решением.

.....

Талас быстро вступил в фазу напряженной подготовки, так как все подкрепления вошли в город, чтобы пройти строгую подготовку. Все элитные армии, которые пришли, были наравне с Армией Железной Стены, но на поле битвы армиям больше всего нужна была командная работа.

Теперь, когда прибыло подкрепление, и пока арабы не осмелились атаковать, Ван Чун начал консолидацию этих элитных сил, в крайне напряженной тренировке. Ван Чун лично занимался подготовкой этой армии. Будучи самым сильным Святым Войны на Центральных Равнинах, Ван Чун очень долго не обучал подобную армию. Он делал это сейчас, потому что считал эту битву чрезвычайно важной.

.....

Когда Ван Чун начал свои тренировки в Таласе при темноте ночи, в далеком арабском лагере, все арабские командиры, кроме Кутайбы, собрались вместе.

- Что вы все думаете об этой битве?

Все они стояли вокруг стола в арабском стиле. Абу Муслим встал и оглянулся на своих товарищей.

В палатке было тихо, и все молча обдумывали топографическую карту Таласа, лежащую на столе. Осман и Айбак имели самые сложные выражения на лицах. Вчера они бы точно посмеялись над вопросом Абу Муслима. Айбак и Осман редко использовали какую-либо особую тактику, когда имели дело с империями неверных. Аравийская империя вообще редко использовала какие-либо специальные стратегии или формирования в своих захватческих войнах.

Когда одна сторона достигла определенного подавляющего уровня силы, все стратегии и мудрость были без надобности. Сила была величайшей мудростью и величайшей стратегией.

- С этой империей очень трудно сладить. Она может быть даже сильнее, чем династия Сасанидов. Если бы я не видел ее сам, мне действительно было бы трудно поверить, что у них мог быть кто-то, кто мог бы стоять на том же уровне, как и Кутайба, и что это будет старик, - строго сказал Осман с задумчивым взглядом на лице.

- Не только это. Подкрепление, которое они получили, кажется чрезвычайно мощным. Оно на том же уровне силы, что и Армия Железной Стены Протектората Анси. - мрачно добавил Айбак. - Если они все такие сильные, то, хотя у них всего около ста тысяч солдат, уничтожить их будет не так просто, как мы себе представляем.

Будучи командиром мамлюков, самым уникальным полководцем во всей империи, Айбак редко интересовался точной ситуацией на поле битвы, и при этом он не вмешивался в масштабные столкновения армий. Но армия за линией обороны была теперь настолько мощной, что даже Айбак не мог ее игнорировать.

- В целом, нашим главным преимуществом является инициатива нашей кавалерии. - строго сказал Зияд. - Линия обороны Тана очень усложняет для наших солдат проявление полной силы, и сдерживает их. Без этой линии обороны их защитные способности слишком малы. В краткосрочной перспективе, если мы будем удерживать инициативу, они не посмеют покинуть линию обороны, чтобы атаковать, тем самым предоставляя нам свободу выбора, когда наносить удар.

Будучи заместителем губернатора Востока, Зияд впервые считал себя счастливым, рожденным в конной империи. В противном случае ему было бы очень трудно представить какую-либо другую фракцию, которая могла бы сражаться против этой империи. Мало того, у Зияда было сильное чувство, что противник, с которым они столкнулись в Таласе, был вторым по силе после Аравии, настоящей Империей Номер Два.

- По этой битве уже очень трудно судить. Пока мы не определим истинную силу подкреплений Тана, мы не сможем вести полномасштабное наступление. - сказал Абу Муслим. - Прямо сейчас мы должны дождаться прибытия тибетцев и западных турок. Хотя эти две восточные империи не так сильны, как наша Аравия, их понимание Великого Тана может принести нам неожиданную помощь.

На протяжении всей этой войны он понимал, что Тан был не таким слабым, как он представлял. Аравия должна была продумать каждый метод и собрать все свои силы, чтобы полностью сокрушить Тан. В противном случае, возможно, именно арабы столкнутся с трудностями, с которыми в настоящее время сталкивается Тан.

- Я никогда не встречал этих тибетцев и западных тюрков, о которых вы говорите, но, если вы настаиваете на том, чтобы дождаться их прибытия, чтобы начать решающую битву, задумывались ли вы о том, как объяснить это Кутайбе? - громко спросил Осман, глядя через карту на Абу Муслима.

Эта конференция посреди ночи собрала всех других арабских командиров, а также губернаторов Абу Муслима и Османа, но Кутайба отсутствовал. Поскольку ссора в дневное время была свежа у всех в памяти, никто не осмеливался снова обидеть Кутайбу. Кутайба был настоящим боевым маньяком. Дневное отступление уже сделало его крайне недовольным. Если бы Абу Муслим настаивал на том, чтобы еще несколько дней ждать прибытия тибетцев и западных турок, всем было бы трудно представить реакцию Кутайбы.

Даже все вместе эти командиры не смогли бы противостоять разъяренному Кутайбе.

Слова Османа погрузили палатку в тишину. Кутайба была как солнце в полуденном небе. Можно было опустить голову, чтобы не видеть его, но нельзя было игнорировать его существование.

Если Кутайба будет упорно настаивать на атаке, даже Абу Муслим не сможет его остановить. Это было затруднительное положение, которое обдумывали все в палатке.

Бум!

Момент молчания был внезапно разрушен грохотом копыт, появившихся в тылу арабского лагеря. Все в палатке были ошеломлены этим звуком. Они действительно не могли думать ни о ком, кто мог бы появиться в тылу их армии.

- Может ли это быть...- у Абу Муслима неожиданно возникла идея.

- Рапорт!

Почти в тот же момент арабский посланник ворвался в палатку и опустился на одно колено.

- Лорд-губернатор, по периметру было замечено большое количество солдат. Они послали сообщение о том, что они являются нашими союзниками, тибетскими и западно-тюркскими солдатами. Их командиром является некто по имени Далун Руозан.

- Чего?! - Абу Муслим пришел в удивительный экстаз.

- Замечательно! - не успев объяснить, Абу Муслим встал и вышел из палатки. Позади него Айбак и Осман обменялись взглядами, прежде чем последовать за ним.

.....

В то же время группа солдат ехала в огромном облаке пыли, пересекая узкий каменный мост, ведущий к арабскому лагерю.

Тыгыдык!

Ученый, одетый в синюю одежду, ехал по мосту не высоком коне.

- Ха-ха, Хуошу, похоже, мы приехали сюда не слишком поздно. Арабы и Тан до сих пор не начали решающую битву.

Далун Руозан махнул рукавом на дальние факелы, мерцающие в темноте, как звезды на небе, а также надвигающиеся стены Таласа.

- Как и предсказывал Милорд! Кажется, что траншеи и ямы, которые мы приказали вырыть, оказались полезными. Подкрепление Тана пришло примерно на два дня позже. - Хуошу Хуйцан ехал на мощном тибетском коне под порывами ветра.

Хотя они и проиграли в прямом сражении с Таном и тем мальчиком по имени Су Ханьшань, Далун Руозан все же сумел задержать подкрепление Тана, используя ямы и траншеи. Это задержало их прибытие и потребовало достаточно времени, чтобы совершить обход. Хотя это был не особенно большой обход, тибетцы не опоздали на решающую битву.

- Милорд, смотрите - едут арабы! - внезапно крикнул слегка пухлый заместитель офицера рядом с Далуном Руозаном.

Эти слова заставили всех повернуться на север. Там организованные и бдительные арабские солдаты начали проявлять признаки беспокойства. Пока они наблюдали, арабские ряды упали в стороны, что позволило стойкой фигуре вынудить многих других арабских генералов появиться и пойти в их направлении.

- Ха-ха, пришел старый друг. Давай, пойдем навестим Абу Муслима!

Далун Руозан подтолкнул свою лошадь вперед и поскакал к арабам.

С другой стороны, Абу Муслим посмотрел на тибетцев со слабой улыбкой в глазах.